

ЧТО ЖЕ ТАКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ? (послесловие к письму Гамана к Краусу)

Письмо Гамана к Краусу имеет самое непосредственное отношение к драматичным взаимоотношениям между Гаманом и Кантом, поскольку касается парадигмальной кантовской работы «Ответ на вопрос: Что такое Просвещение?», опубликованной в 1784 году в декабрьском выпуске «Берлинского ежемесячника». «Просвещение — это выход человека из состояния несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого» [2, с. 29], — таковы начальные строки работы Канта. В этих всемирно известных его словах заключена сокровенная надежда Просвещения, против основной сути которой, а имен-

³⁵ Меж псом и волком (фр.). Это — старый французский идиоматический оборот, который Гаман часто использует в своих письмах. Он означает то ночное время, когда пес и волк могут столкнуться друг с другом, то есть очень позднее время. Гаман нередко писал свои письма по ночам.

³⁶ Кнут для Мортчины (лат.). Так Гаман дружески-иронично называет Крауса.

³⁷ В шутовском стиле Гаман намекает на то, что, прочитав переданную ему Краусом работу Канта и написав письмо с ее оценкой, он чувствует облегчение, освободившись как от долга свободно высказать свое мнение, так и от идеи свободы, развитой Кантом в этой работе. Под экзотерической свободой он иронически обыгрывает идею Канта о свободе *публично пользоваться* собственным разумом, а под экзотерической — *частное пользование* разумом. Ср.: «Для просвещения требуется только *свобода*, и притом самая безобидная, а именно свобода во всех случаях *публично пользоваться* собственным разумом. <...> Частным применением разума я называю такое, которое осуществляется человеком на доверенном ему гражданском посту или службе» (*Кант И.* Указ. соч. С. 31).

³⁸ Маг на таможе (лат.). Этим выражением, проникнутым самоиронией, Гаман часто подписывал свои письма, обыгрывая, с одной стороны, присвоенное ему Карлом фон Мозером из Дармштадта прижизненное звание «Маг с Севера», а с другой — свое место службы в качестве управляющего на таможенном складе в Кёнигсберге.

³⁹ Гаман приводит по памяти строки из стихотворения немецкого поэта Христиана Фюрхтеготта Геллера «Богатство и честь»: «И в темноте служить нам должно Богу / Пусть незаметно миру» (пер. с нем. — В. Г.).

⁴⁰ См.: *Матфей* 11, 10–11: «Я посылаю вестника Моего пред лицом Твоим, который приготовит путь Твой пред Тобою».

но: Просвещение есть, прежде всего, область личной ответственности человека — кто-либо вряд ли осмелится что-то возразить. Однако именно Гаман оказался первым, кто осмелился, сделав это в письме к Христиану Якобу Краусу от 18 декабря 1784 года. Краус стал другом Гамана, несмотря на то, что был младше его на 23 года. Именно под влиянием Гамана Краус увлекся философией и позже, после завершения образования в Гёттингене в 1782 году, стал первым профессором камеральных наук и практической философии в Альбертине [3, с. 29].

Парадокс, или суть времени, однако, в том, что Краус одновременно был и другом Канта, который первым отметил научно-творческие способности Крауса и еще во время его учебы в университете рекомендовал ему заняться математикой. Феномен Крауса важно иметь в виду, читая письмо Гамана к нему, поскольку Краус стал неким центром пересечения «силовых полей» двух своеобразных полюсов эпохи Просвещения, которые представлены Кантом и Гаманом. Краус, ставший при жизни одной из самых популярной личностей в университете, выбрал Канта, о чем свидетельствует его дальнейшая судьба. В 1795 году он получил кафедру экономики и активно занялся теорией и практикой рационального ведения хозяйства, основываясь, прежде всего, на учении Адама Смита. Именно Краус вручил Гаману свой экземпляр работы Канта. Гаман, прочитав ее, вернул Краусу, приложив к ней свое письмо. Об этом Гаман сообщил в письме к Лафатеру от 20 декабря 1784 года, в котором, в частности, пишет: «Ну, а то, что наш Кант имеет в виду под несовершеннолетием по собственной вине, а не по вине опекунов, о чем он объявил в рождественском выпуске «Берлинского ежемесячника», затронуло меня до глубины души. И еще позавчера поздним вечером я написал нашему Мортчинимастиксу⁴¹ письмо в четыре страницы» [4, Bd 5, S. 294].

Письмо Гамана представляет собой в чем-то уникальный документ эпохи, в котором со всей парадигмальной решительностью отражена ее идейная драма на границе двух противостоящих онтологических принципов — богочентрического и автономного. Гаман проявляется в этом письме во всем блеске своего писательского таланта, демонстрируя фейерверк уникального стиля — каскады «центонов», коллаж, игра, ураган аллюзий и переименованных цитат, срывающий крышу с ладно построенных конструкций своих оппонентов. При этом он стремится деконструировать Канта, пользуясь Кантовой аргументацией, которую Гаман, однако, истолковывает как ловушку неразрешимого противоречия. Логика Канта, по Гаману, неизбежно ведет к тому, что, пытаясь освободить читателя от опеки со стороны *другого*, Кант невольно возводит себя в статус нового опекуна. При этом Гаман, критикуя проводимое в работе Канта различие между публичным и частным применением разума и свободы, не может сдерживать возмущения по поводу того, что Кант, выступая опекуном «несовершеннолетних по собственной вине», невольно впадает в несовершеннолетие, отдавая себя, как считает Гаман, под опеку главного опекуна в Прусском го-

⁴¹ В переводе с латыни означает примерно «кнул для Мортчини». Так Гаман называет Крауса, обыгрывая в этом придуманном им самим имени для друга название одной критической работы Крауса, направленной против мошенника, скрывавшегося под маской барона фон Мортчини. См. в этой связи упоминание о статье И.Э. Бистера «Псевдобарон фон Мортчини» в приложении 1 «Избранное оглавление *Берлинского ежемесячника* за 1784 год» [1, с. 89].

сударстве — «короля просветителей» Фридриха II. Кант ставит знак равенства между веком Просвещения и веком Фридриха⁴². Это возмущает Гамана до глубины души, поскольку он уже давно позиционировал себя как философский и политический противник Прусского короля. В ряде своих сочинений он критикует «придворную философию» Фридриха, представленную французскими материалистами Ламетри, Гольбахом, Гельвецием. Эта «философия Вавилона» во главе с Фридрихом, как именует ее Гаман, порождает ложную «политическую арифметику» со стороны опекуна в отношении его «несовершеннолетних по собственной вине» подданных.

Противопоставляя себя двум навязываемым ему Кантом опекунам — самому Канту и его опекуну Фридриху, — Гаман дерзко объявляет в этом споре, что и он тоже опекун. Есть, однако, то несовершеннолетие и, соответственно, опекунство, от которого Гаман никогда не откажется, о чем он намекает в своем письме к Краусу. Это — несовершеннолетие верующего в Бога христианина, в котором он постоянного переживает свою зависимость и доверие по отношению к руководству со стороны главного опекуна своей судьбы и творчества...

В. Х. Гильманов

Список литературы

1. Волкова К. А. Моисей Мендельсон и его статьи о просвещении // Кантовский сборник. 2011. №3 (37).
2. Кант И. Ответ на вопрос: Что такое Просвещение? // Кант И. Собр. соч. : в 8 т. Юбилейное издание 1794–1994 / под ред. А. В. Гульги. М., 1994. Т. 8.
3. Лавринович К. К. Альбертина: очерки истории Кёнигсбергского университета. Калининград, 1995.
4. Hamann J. G. Sämtliche Werke: 6 Bde. Historisch-kritische Ausgabe von J. Nadler. Wien, 1949–1957.

О переводчике

Гильманов Владимир Хамитович — д-р филол. наук, проф. кафедры зарубежной филологии Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, Калининград, gilmanov.wladimir@rambler.ru

About the Translator

Prof. Vladimir Gilmanov, Department of International Philology, Faculty of Philology and Journalism, Immanuel Kant Baltic Federal University, gilmanov.wladimir@rambler.ru

⁴² См.: «В этом отношении наш век есть век просвещения, или век ФРИДРИХА» [2, с. 35].